

рует над вербальными средствами и занимает ведущую роль в акте интерпретации)» [7].

Следование таким положениям помогает Л. Шестову достичь высокого уровня интертекстуальности, диалогичности и сформулировать основные принципы своей критической системы, определив место художника в сложной ситуации пороковости и экзистенциального одиночества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1986. – 359 с.
2. Бердяев Н. А. Основная идея философии Льва Шестова [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/shestov.html>.
3. Ильин В.Н. По поводу «Апофеоза бес-

почвенности» Л.И. Шестова / В.Н. Ильин Эссе о русской культуре.– СПб.: Акрополь, 1997. – 128с.

4. Кувакин В. А. Мыслители России: Избр. лекции по рус. философии / В. А. Кувакин.– М.: Российское гуманистическое общество, 2005. – 425 с.

5. Лотман Ю. Анализ поэтического текста / Ю. Лотман. – СПб.: Акрополь, 1996. – 399 с.

6. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов. – СПб.: Азбука, 2005. – 305 с.

7. Шурков А. Словарь терминов и понятий рецептивной эстетики [Электронный ресурс] / А. Шурков. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru>

8. Яковенко С. Романтики, эстетики, ницшеанцы. Українська та польська літературна критика раннього модернізму / С. Яковенко. – К.: Просвіта, 2006. – 296 с.

УДК 821.161.1–3Гаврилов

Т. А. Шеховцова

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ В ПОВЕСТИ А. ГАВРИЛОВА «ВОПЛЬ ВПЕРЕДСМОТРЯЩЕГО»

Т. А. Шеховцова

ПАРАЛЛЕЛЬНІ СВІТИ В ПОВІСТІ А. ГАВРИЛОВА «ВОПЛЬ ТОГО, ХТО ДИВИТЬСЯ УПЕРЕД»

У статті розглядаються «паралельні світи» в повісті А. Гаврилова «Вопль того, хто дивиться уперед» – мікромоделі реальності, з яких складається художній світ твору (мариністична, літературна, історична, математична та ін.). Показано, що кожна із макромоделей має свій предмет та мову опису, свої закони та межі. У той же час ці світи виявляють риси подібності, їх об'єднують екзистенційна свідомість оповідача і семантичні домінанти, які є смислоутворювальними факторами гаврилівського тексту.

Ключові слова: художній світ, паралельні світи, моделі реальності, семантичні домінанти.

Т. А. Шеховцова

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ В ПОВЕСТИ А. ГАВРИЛОВА «ВОПЛЬ ВПЕРЕДСМОТРЯЩЕГО»

В статье рассматриваются «параллельные миры» в повести А. Гаврилова «Вопль впередсмотрящего» – микромоделі реальности, из которых складывается художественный мир произведения (маринистическая, литературная, историческая, математическая и др.). Каждая из микромоделей имеет свой предмет и свой язык описания, свои законы и пределы. В то же время эти миры обнаруживают черты подобия, их объединяют экзистенциальное сознание повествователя и семантические доминанты, которые являются смыслообразующими факторами гавриловского текста.

Ключевые слова: художественный мир, параллельные миры, модели реальности, семантические доминанты.

Т. А. Shekhovtsova

THE PARALLEL WORLDS IN A. GAVRILOV'S STORY "A LOOKOUT'S CRY"

In the article «the parallel worlds» in A. Gavrillov's story "A lookout's cry" – the micromodels of reality which form the art world of this work (marinist, literary, historical, mathematical etc.) are considered. Each of the micromodels has its own subject, description language, laws and limits. At the same time these worlds reveal the lines of similarity, they are united by the existential consciousness of the storyteller and the semantic dominants which are the sensemaking factors of the Gavrillov's text.

Keywords: art world, parallel worlds, reality models, semantic dominants.

Новая книга Анатолия Гаврилова «Вопль впередсмотрящего» (2011), которую критики уже

назвали «самой долгожданной» [4], думается, вполне оправдала читательские ожидания: представленные в ней тексты, оставаясь вполне «гавриловски-

ми», открывают новую страницу в творческой биографии художника. Центральное место в книге занимает одноименная повесть, вобравшая в себя опыт всего предшествующего творчества автора и в то же время иницирующая новую тему и новому многоакурный взгляд на мир.

По мнению первых интерпретаторов, «Вопль впередсмотрящего» представляет «все узнаваемые черты писателя»: «предельный лаконизм, внешняя нелогичность, оказывающаяся при более пристальном рассмотрении весьма логичной, некоторая асоциальность и, наконец, совмещение самого абстрактного с самым материальным и вещественным» [1], «семантический, стилистический, да и логический абсурд идут рука об руку» [4]. Отмечен и некий парадокс восприятия: повесть «поначалу кажется просто набором фактов из учебников, куда вплетена судьба главного героя... Постепенно, отсеивая ученическую заумь, вдруг открываешь что-то о самом герое» [3, с. 5]. На самом деле цитатный фон судьбы повествователя вовсе не сводится к школьным правилам, и в «ученической зауми» открываются целые миры, сопоставимые как друг с другом, так и с сознанием героя, способным соединять несоединимое. Без осмысления многосоставной природы гавриловской вселенной и путей созидания ее целостности невозможно адекватное понимание достаточно непростого авторского замысла.

Задача нашей статьи – исследование «параллельных миров», то есть тех микромоделей реальности, из которых складывается художественный мир повести, с целью уяснения авторской концепции.

Первую и главную модель мира условно можно назвать маринистической. Уже заглавие повести задает морскую тему, одну из важнейших в ее концептуальной структуре. Внешний сюжет пунктирно обозначает историю двух подростков, мечтающих стать моряками и совершить кругосветное путешествие на яхте. Яхта оказывается вымышленной, мечта – несбыточной. Но речь идет не только о фантазиях подростков и крушении детской мечты. Море является неотъемлемой составляющей картины мира и ее смысловой доминантой. Семантика моря множится и варьируется, так что его образ становится всеобъемлющим: это аналог человеческого и всеобщего бытия в его концах и началах. В символике моря соплагаются мечта и реальность, жизнь и смерть, свобода и необходимость, вызов и обреченность.

Важнейшие характеристики этого концепта – контрастность, изменчивость, амбивалентность и катастрофичность: «Солнечно, тихо, тепло, но вода уже холодная» [2, с. 7], «И отступили тревоги и заботы, и скрылись они в морской дымке», «Море успокоилось на рассвете», «Морская поверхность редко бывает спокойной» [2, с. 24, 138,

195], «Холодный туман ползет с моря. Море, море. Могі» [2, с. 58], «Ветер свежий!... А волны? – Поднимаются. Поднимаются! Все выше и выше! ... и уже достигают неба, и летят уже по небу и дома, и деревья... и обломки самых надежных судов, и люди, и животные, и...» [2, с. 101–102].

Море доминирует над сушей, притягивает к себе: «грузовые составы идут в порт на тихом ходу», «он отворил окно, и в комнату ворвался морской ветер», «свободный человек, всегда ты к морю льнешь» [2, с. 8, 119, 194]. Окружающий мальчика мир порой кажется картиной мариниста: «Шум прибоя, крики чаек, суда», «Камни, песок, вода» [2, с. 8, 10].

Сухопутным мальчишкам пустырь заменяет морские просторы, плащи оборачиваются парусами: «Я надел плащ, он тоже был в плаще, и мы пошли на пустырь перед оврагом, где стали отрабатывать основные приемы управления яхтой на краю оврага с расстегнутыми плащами. Ветер был довольно сильный, нас то сносило в овраг, то уносило в поля, но мы умело применяли и фордевинд, и оверштаг, и тому подобное» [2, с. 86 – 87].

Морская тема объединяет прошлое, настоящее и будущее. В прошлом школьник отмечает в основном истории кораблекрушений: «Речь идет о затонувшем испанском галионе в филиппинских водах 14 декабря 1600 года», «С наступлением темноты «Санта-Мария» теряет фок, грот и штурвал» [2, с. 44, 108]. Подробно описывается гибельная прогулка по Темзе экскурсионного парохода «Принцесса Алиса», не только в имени, но и в облике своем обнаруживающего прекрасные женственные черты: «Пароход «Принцесса Алиса» отличался изящными обводами корпуса...» [2, с. 22].

Особенно подчеркивается недостойное поведение капитанов погибших кораблей: «Испанская каравелла «Сан-Томе» под командованием Эстева да Вейги получила пробоину и пошла на дно. Капитан первым покинул судно на единственной спасательной шлюпке, отобрав самых именитых» [2, с. 48], «Де Морга первым покидает гибнущее судно... позже он напишет мемуары о своем героическом поведении» [2, с. 74]. Быть может, поэтому мальчик не хочет быть капитаном, его мечта – вахта впередсмотрящего, единственного, кто может предотвратить беду. Впрочем, надежда на спасение утопична, поскольку обреченность и катастрофичность у Гаврилова являются онтологическими характеристиками бытия, да и впередсмотрящий не всегда безупречен: «Буги-вуги!» – закричал вздремнувший впередсмотрящий, но было уже поздно, и два встречных судна, столкнувшись нос в нос, через некоторое время пошли на дно» [2, с. 191]. Судно-женщина и капитан ассоциируются с одной из жизненных неудач героя: «Долго ждал Зину..., но так и не дождался... Зина сказала, что она хочет выйти замуж за капитана

дальнего плавания... Зина встречается с морским офицером» [2, с. 150, 162, 174]. В конце повести выясняется, что и этот капитан с легкостью покидает свое «судно»: « – А где же твой капитан дальнего плавания? – спросил я ее. – Какая разница! – махнула она рукой» [2, с. 199].

Будущее в представлении героя распадается на мечту о яхте (чем дальше, тем более несбыточную) и апокалиптические предчувствия: «Сары-Юрьев идет к обрыву рисовать море»; « – Наше море скоро исчезнет, оно останется только на моих картинах, и моя задача – успеть показать его предсмертное состояние» [2, с. 35, 185]. В финале повзрослевший повествователь погружается в пьяные грезы в кафе с морским названием «Бриз», и тяжелая рука бармена кажется ему мачтой, рухнувшей на плечо. Вахта впередсмотрящего оказывается бессмысленной: «SOS!» – кричу я. А они еще пуще смеются. Но кто услышит?» [2, с. 163].

Морская тематика связывает разные жизненные сферы и разные языки. В школе жизни, которую проходит мальчик, это прежде всего языки разных предметов – математики, истории, географии, литературы, грамматики, астрономии, столярного дела. Треугольник паруса напоминает о геометрии (судя по частоте упоминаний, это любимая фигура героя); знание свойств древесины важно для того, кто хочет построить яхту; в географии интересны моря и острова, в истории – морские катастрофы. Примеры для грамматических правил и разборов опираются на морскую лексику: «В слове «море» два слога, четыре буквы, четыре звука» [2, с. 82]. Поэтические цитаты также связаны с морем: «Белеет парус одинокий...» [2, с. 194]. В то же время в каждом из школьных предметов заключен свой, особый мир, который по-своему постигает повествователь. В его бесхитростных записях постепенно проступают закономерности и аналогии.

Одним из первых начинает оформляться мир геометрии, населенный фигурами. Эти фигуры вступают в разнообразные отношения: соединяются, соприкасаются, пересекаются, могут быть разделены. Повествователь констатирует отношения равенства, принадлежности/непринадлежности, возможность или невозможность встречи-коммуникации – то есть то, что беспокоит его в мире людей: «Диагонали ромба пересекаются под прямым углом» [2, с. 8, 185], «Часть любой геометрической фигуры является геометрической фигурой. Прямые называются параллельными, если они не пересекаются» [2, с. 32], «Если два треугольника при наложении друг на друга совпадают, то они равны» [2, с. 14], «Квадрат – это прямоугольник, у которого все стороны равны» [2, с. 125]. Геометрическая «коммуникация» варьируется: «Окружность описана около треугольника. Окружность вписана в треугольник» [2, с. 8, 11, 62]. Эта фраза повторяется трижды, что подчеркивает то ли пе-

ременчивость геометрической «фортуны», то ли равнозначность противоположных вариантов: «Окружность была описана около треугольника, а теперь она вписана» [2, с. 62].

Фигуры или их элементы, как правило, оказываются парными или совпадающими, что отражает тоску героя по общению и пониманию: «Две фигуры равны, если при наложении друг на друга они совпадают», «Если в треугольнике два угла равны, то он равнобедренный», «Отрезок, соединяющий две точки, лежащие на окружности, называется хордой» [2, с. 20, 31, 173]. Простое правило звучит как крик души: «Для любого треугольника существует треугольник, равный ему» [2, с. 167]. Антиподом мира людей выступает мир счастливых треугольников, где все просто и однозначно, где каждый легко может найти себе пару. В то же время треугольники постоянно обнаруживаются в системе персонажей («Побродим втроем по своим туманным окрестностям» [2, с. 167]), что осложняет и без того непростые отношения между ними: герой – Нина – Миша, герой – Нина – Зина, герой – Зина – капитан дальнего плавания, герой – Нина – Борис Петрович, мать – отец – другая женщина и т. д.

Геометрические понятия неожиданно становятся двусмысленными, и это приводит к проницаемости границ геометрического мира, который преобразуется в мир реальный: «Луч разделит развернутый угол на два угла. Постройте эти углы... Кто нарисовал на транспортуре непристойность?... Стань на колени в угол» [2, с. 38]. Словесная игра разрушает точность формулировок, переводя их в абсурдистский дискурс: «Угол прямой, уголь мелкий, острый... Уголь с биссектрисой будет пересекаться под прямым углом» [2, с. 13]. Оказывается, что язык геометрии допускает недоговоренность и условность: «Дана геометрическая фигура. Нужно что-то доказать. Допустим...» [2, с. 90]. Личные драмы героя, его потери в дружбе и любви косвенно соотносятся с геометрическими аксиомами: «Центр окружности не принадлежит окружности», «Какова бы ни была прямая, существуют точки, принадлежащие этой прямой, и точки, которые ей не принадлежат» [2, с. 90, 127, 164].

Мир геометрии входит в мир математики. Математика, на первый взгляд, умиротворяет своей точностью. Ее четкие правила не оставляют места для сомнений. Однако повествователь не может мыслить абстрактно, он проецирует математические задачи на реальную жизнь: «Мотоциклист едет по проселочной дороге. Нужно узнать, когда он приедет. Зная скорость и расстояние, можно узнать время. Мы никогда не узнаем, когда он приедет, так как не вписывается в поворот и на полной скорости врезается в электроопору» [2, с. 40]. При этом события мыслятся альтернативно, и по принципу возможных миров катастрофи-

ческий вариант не является единственным: «Мотоциклист мчится по проселочной дороге и через какое-то время догоняет велосипедиста» [2, с. 62]. Столь же проблематичны математические истины: «На нуль делить нельзя...» [2, с. 31], «Ты все еще полагаешь, что делить на нуль нельзя? – Нельзя. – Перед тем, как меня выгнали из института, я узнал, что можно. Речь идет о раскрытии неопределенности по методу Лопиталя» [2, с. 149]. Нуль оказывается любимым числом, и это едва не приводит к конфликту с другом: «– Ты до сих пор обижаешься за нуль? – Да что мне нуль» [2, с. 170]. Не себя ли готов отождествить с нулем повествователь, так и не нашедший ответа на вопрос, способно ли его присутствие что-то изменить в этом мире? («Два плюс нуль – два. Два минус нуль – два» [2, с. 46]).

Задача о велосипедисте оборачивается экзистенциальным пассажем: «День чудесный, дорога замечательная, велосипед пусть не новый, но еще ничего, вы катите по грунтовой дороге, по укатанной... вы молоды, вам еще жить и любить... Но подспудно в вас целился некто, и его патроны заряжены дробью: «Пусто, холодно, страшно»... Еще ни один человек, если он, конечно, не безумец, не ушел от этой картечи...» [2, с. 165]. Составляющие задач начинают действовать не по условию: «Легковая машина догоняет автобус. Сейчас между ними 20 км... Автобус остановился и пошел дальше» [2, с. 31, 63], «Путник идет со средней скоростью пять километров в час... Мимо проходит путник, о котором когда-то нужно было узнать, когда он придет. Он пока еще идет» [2, с. 11, 56]. Герои разных задач могут встретиться: «Выезжая из села, велосипедист заметил на мосту пешехода» [2, с. 31].

В математических правилах и задачах высвечиваются темы малости человеческого «я», обеднения, «усыхания», расходования жизни, неравенства, разобщенности, отсутствия понимания, трудностей коммуникации: «Чтобы найти одно из слагаемых, нужно из суммы вычесть другое слагаемое», «При умножении на нуль получаем нуль», «При сложении отрицательных чисел сумма ставится со знаком минус», [2, с. 22, 31, 108], «Из бочки взяли x капусты», «В цистерне было 38 т керосина. Потом его осталось один процент» [2, с. 19, 34], «При умножении двух чисел с разными знаками ставится знак минус», «Из двух дробей с одинаковыми знаменателями та больше, у которой больше числитель» [2, с. 113, 125].

На языке математики можно выразить желаемое – к примеру, мечту о преодолении одиночества или комплекса неполноценности: «Одночлены. Умножение одночленов», «Пусть многочлен не равен нулю. Пусть не равен» [2, с. 170, 178]. Установка на размывание границ позволяет воспринимать математику как жизнь или жизнь как математику: «Рассмотрим квадратное уравнение, преоб-

разуем левую часть и получим полный квадрат, и некоторое время будем смотреть в прямоугольник окна, выходящего на улицу» [2, с. 178]. Однако это не спасает от проблем: «Уравнение Шредингера, например... Приходилось ли Шредингеру прятаться в кукурузе?» [2, с. 181].

О чем бы ни писал этот мальчик, он пишет о главном, о чем не может не писать: о любви и одиночестве, о катастрофичности мира, о несправедливости судьбы, о бессилии человека. В каждом из миров он находит аналоги миру людей. Языком астрономии повествователь говорит все о том же – о своем и всеобщем: «Земля движется вокруг Солнца» [2, с. 9, 30], «Среди звезд бывают и великаны, и карлики», «Смена времен года является следствием вращения Земли вокруг Солнца. Солнце может погаснуть» [2, с. 12, 36], «Комета Шумейкеров-Леви должна столкнуться с Юпитером», «Рассмотрим кусты и деревья. Рассмотрим Землю» [2, с. 58, 90], «Ich liebe dich... в том числе... то есть расположение... светила... на небесной сфере... азимут и высота светила... но Ich liebe dich... то есть... и если светило на меридиане... и другой вертикали... до центра... до центра светила...» [2, с. 130].

Мир истории предстает как цепь завоеваний и поражений, взлетов и падений: «За три века Египет покорялся ливийцам, нубийцам, ассирийцам, кому-то, возможно, еще», «Поражение Афин. Возвышение Македонии», «С приходом дорийских племен Греция погружается в «темные века», «После «темных веков» Греция возрождается» [2, с. 26, 63, 164, 167]. Далекое прошлое приближено, увидено как будто в телескоп: «Древние греки пасут на древних пастбищах древний домашний скот» [2, с. 97]. При этом записи мальчика не отражают последовательности исторических событий, для его взгляда в прошлое все они равны, исторического времени не существует: «Позже Вавилон был захвачен персами и вошел в состав Персидского государства», «Своего наибольшего могущества Вавилонское царство достигло при царе Хаммурапи» [2, с. 20, 95]. Мирная жизнь не только теснится сражениями, но и гибнет в катастрофах: «Около XV века до нашей эры критская культура из-за извержения вулкана погибает» [2, с. 159].

Колебания исторического маятника между гибелью и возрождением, отчаянием и надеждой созвучны мироощущению героя. Недаром между историей и современностью просматривается связь: «Среди моих друзей, знакомых и родственников довольно много потомков древних греков...» [2, с. 21]. Время сжимается, дистанция между прошлым и настоящим порой неразличима: «Там когда-то произошла битва русских дружин князя Всеволода... – Мстислава... Там было холодно, ветрено, тебя знобит...» [2, с. 114]. В исторических событиях повествователь находит обнадеживающие перспективы, например, возможность преодоления

собственного плебейства: «Долгая борьба плебеев с патрициями завершилась признанием плебеев полноправными гражданами Римской республики» [2, с. 186]. Вместе с тем опыт истории достаточно пессимистичен: «Поражение Французской революции, Наполеона и иллюзий просветителей о торжестве «царства разума». И вот на наших глазах разрушаются великие государства» [2, с. 34].

В мире литературы на равных существуют писатели и их герои, которых мальчик воспринимает как реальных людей: «Героиня повести Карамзина «Бедная Лиза» живет в хижине со своей старушкой матерью. Отец умер. Живут они бедно», «Детство Николая Васильевича Гоголя прошло в деревне», «В доме своего отца маленький Пушкин слышал и Карамзина, и Жуковского, и Батюшкова» [2, с. 11, 19, 46]. Перипетии чужих судеб напоминают мальчику из шахтерского поселка о его собственных житейских проблемах: несбывшихся мечтах («Александр Адуев полон романтических иллюзий...» [2, с. 108]), неразделенной любви («Учитель Медведенко... влюблен в Машу, та – в Треплева, тот – в Нину Заречную» [2, с. 134]), одиночестве и тоске по общению («С Плюшкиным Чичиков быстро находит общий язык» [2, с. 167]), сознании собственной социальной ущербности, невозможности найти свое место в жизни («Английский писатель Сид Чаплин – из семьи шахтеров», «Гоголь не может в Петербурге найти себе подходящего места для службы» [2, с. 10, 63]). Одним из ведущих мотивов становится мотив отчуждения: «Здесь, под небом чужим, я как гость нежеланный» [2, с. 56, 193].

Литературные сюжеты согласуются с собственными размышлениями повествователя: «Работать, работать, работать, но разве для этого ты предназначен?» [2, с. 147], «Герою повести Гоголя «Записки сумасшедшего... не хочется идти на работу» [2, с. 159]. В никак не связанных цитатах обнаруживаются неожиданные смысловые переключки: «Иван Иванович... снимает с ковра свое старое ружье. – И идет. – К Ивану Никифоровичу... – И? – Да что угодно», «Подспудно в вас целился некто, и его патроны заряжены дробью: «Пусто, холодно, страшно» [2, с. 142, 165]. Классические цитаты трансформируются, деконструируются, комбинируются, сохраняя, однако, экзистенциальную интонацию: «Ветер, ветер на всем белом свете. Но стоит на ногах человек. Одет модно, со вкусом. Но не знает, куда пойти» [2, с. 157]. Чужими словами мальчик вновь и вновь говорит о главном и сокровенном.

Важное место в системе параллельных миров занимает мир грамматики. Герой – человек пишущий, и его писательство приобретает особый смысл. На первый взгляд, он, как гоголевский Акакий Акакиевич, лишь переписчик, но это переписывание порождает новые реальности и перерастает в творчество. Фиксация на бумаге, как и жи-

вопись, спасает от исчезновения: «Я уже много книг переписал в общие тетради от корки до корки» [2, с. 187]. В школьном учебнике все заранее ясно: «Предложения образуются из слов и словосочетаний. При помощи предложений мы выражаем свои мысли и чувства», «Для предложения характерна интонация завершенности. В конце предложения ставится точка, вопросительный или восклицательный знак или многоточие», «Предложения бывают простые и сложные» [2, с. 19, 21, 10]. Однако жизнь не хочет выстраиваться по правилам. Повествователю постоянно не хватает слов, мысль изреченная дается ему с трудом, простое оказывается сложным, недоговоренности передают проблематичность и неоднозначность бытия: «Было очевидно, что... Пожалуй, что...», «Дело в том, что... Предположим, что...», «Итак, вы говорите о том, что... О чем же они говорят?» [2, с. 120, 175, 181]. Ошибки в письме не случайны: «Сделал ошибку, написав слово «зенкование» через «и»: «зинкование». Зинка. Надо быть внимательнее» [2, с. 158]. На иностранных языках чуть легче говорить о важном: «Je veux que tu dises la verite. – Я хочу, чтобы ты сказал правду. C'est l'unique home qui me comprend. – Это единственный человек, который меня понимает», «J' compte – Я на нее рассчитываю», «To go to sea – Стать моряком», [2, с. 168, 171, 82].

Примеры из школьной грамматики проясняют важнейшие аксиомы человеческого и природного существования, обозначают его простейшие, изначальные составляющие: «Дождь – подлежащее, идет – сказуемое», «Солнце восходит. Солнце – подлежащее, восходит – сказуемое», «Солнце заходит. «Солнце» – главное слово, «заходит» – зависимое», «Вечер. Предложение нераспространенное. Осенний вечер. Предложение распространенное», «Во французском языке существуют два рода: мужской и женский» [2, с. 8, 12, 18, 74, 127]. В грамматические упражнения вплетаются личные мотивы, любимые темы: «Все пошли на праздник. На праздник – обстоятельство. Я не пошел на праздник из-за простуды. Из-за простуды – обстоятельство» [2, с. 29]. «Наречие – неизменная часть речи. ... Не забыть мне тебя никогда – наречие с признаком действия» [2, с. 29], «Друзья мои, прекрасен наш союз!» (А. С. Пушкин). В данном предложении мы имеем обращение «друзья» [2, с. 185], «Все сломя голову побежали смотреть на погибшее судно. Сломя голову – не деепричастие, а фразеологический оборот, и запятой не выделяется» [2, с. 181]. За прилежным усвоением частей речи просматривается экзистенциальный пунктир размышлений о смысле и бессмыслице жизни, о возможностях и пределах познания, о человеческом предназначении: «Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. Вспыхивая и погасая – деепричастия. Основное действие выражено гла-

голом «горела» [2, с. 140], «Частица – служебная часть речи, она не изменяется и не является членом предложения. Рассчитал бы, сгорел бы, преодолел бы... Сумерки, шум моря, гул аэродрома. Кто это, что это? Знак вопроса» [2, с. 171], «Разве – модальная частица. Например: вряд ли... Впрочем, если... «Увы! На разные забавы я много жизни погубил» (А. С. Пушкин)» [2, с. 172].

Для ориентации в мире неизменно важными оказываются вопросы тождества и различия: «Омонимы звучат и пишутся одинаково, но различаются по значению. Синонимы различаются по звучанию и написанию, но тождественны по смыслу» [2, с. 126]. В многослойном хронотопе судьбы повествователя, где накладываются друг на друга личности, ситуации, эпохи, этапы жизни, цитаты, очень сложно установить критерии сходства и отличия. В дискурсе героя сочетается несочетаемое, несовместимые объекты оказываются взаимозаменяемыми: «А вечером скажешь родителям? – О чем? – Ты знаешь. – Про дону Алонсо Перес де Гусман эль Буэно? – Про дрова и уголь» [2, с. 46], «Нет, это был не Миша, это был кто-то другой, я его не знал... он пошел по улице, но тут же вернулся, и я увидел, что это не кто иной, как соседка Нина» [2, с. 94]. «Дом бытия» пронизан созвучиями: бор... борид магния... бора (ветер)... Борис Петрович... бармен Боря Боренбойм.

Все предметы, явления, фигуры меняют контуры, отражаются друг в друге, перетекают одно в другое. Размываются границы между жизнью и литературой, мечтой и реальностью, историей и современностью, между художественными и нехудожественными текстами: «то ли Гамсун, то ли Ибсен, то ли мой друг Миша» [2, с. 183], «И в то же время... И в то же время ветер рвет в клочья спинакер... и в то же время вместо фордевинд – оверштаг... и в то же время Анна бесится оттого, что ее муж совершенно спокоен и не убивает ее, но... «Анна, Анна!» – поет Валерий Ободзинский... какую Анну он имеет в виду?... Анна, Анна... да, но нужно доказать, что в равнобедренном треугольнике на склоне дня, на склоне холма, когда эскадрилья Су-24... летит бомбить Мариуполь...» [2, с. 91].

Автономные миры оказываются подобными и взаимозаменяемыми: «Вместо чисел можно подставить буквы» [2, с. 18]. Параллельные миры пересекаются, и только люди не чувствуют этого, продолжая существовать каждый на своей волне: «Спросил, чем я занимаюсь, я ответил, что в данный момент меня интересует французский философ Делез, он усмехнулся и сказал, что пока еще есть вакансия на землесосе» [2, с. 184]. Идея параллельности облекается в неожиданные формы: «Из какого материала делаются параллельные слесарные тиски. Ответ: параллельные слесарные

тиски делаются из серого чугуна. В слове «параллельные» два «эль» после буквы «а». Запомнить. Параллельные, параллельные» [2, с. 44]. Человек оказывается заключен в тиски судьбы, необходимости, собственной инертности, непонятости, неудовлетворенности, трагически-безысходного ощущения жизни.

Вопиющий сродни вопрошающему – их усилия безрезультатны, диалог с кем бы то ни было невозможен: «Нет на вопросы ответов. Да и вопросов нет. Стало быть, так надо. Или не надо» [2, с. 190], «Солнце село, но лес не замолчал. Он на разные голоса говорит то, чего я не понимаю. И море шумит о том же. Мать перестала со мной разговаривать», «Кончай орать! – произнес чей-то голос в темноте. И я замолчал» [2, с. 180, 204]. Но на всех доступных ему языках герой вопиет ко всем, кто может услышать: «... точка, точка, точка, тире – нуждаюсь в помощи, точка, точка, тире – хочу установить с вами связь» [2, с. 174]. Как чеховский человек с молоточком, он упорно напоминает тем, кто считает себя счастливыми, «что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стряется беда... и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других» [5, с. 62].

Гавриловский скриптор не может сосредоточиться на одном предмете. Он записывает все подряд, лихорадочно пытаюсь уберечь свои миры от гибели и найти в них ответы на вопросы жизни. Каждая из микромоделей реальности имеет свой предмет и язык описания, свои законы и пределы. Но в параллельных вселенных обнаруживаются черты подобия, их объединяют экзистенциальное сознание повествователя и семантические доминанты, которые являются смыслообразующими факторами, определяющими внутреннюю целостность гетерогенного и дискретного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визель М. Одинокий вопль человека // Эксперт. – 2011. – № 38 (771) [Электронный ресурс] / Михаил Визель. – Режим доступа: www.expert.ru/expert/2011/38/odinokij-vopl-cheloveka/
2. Гаврилов А. Вопль впередсмотрящего : Повесть. Рассказы. Пьеса / Анатолий Гаврилов. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2011. – 304 с.
3. Лебедева Д. Прилежный ученик / Дарья Лебедева // Книжное обозрение. – 2011. – № 21 (2319). – С. 5.
4. О литературе с Виктором Топоровым : Белый человек спать не дает мне всю ночь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fontanka.ru/2011/08/20/036/
5. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Соч. В 18 т. Т. 10 : 1898–1903 / А. П. Чехов ; АН СССР, Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1986. – 495 с.